

ГЫЗЫЛ АРСЛАН

Сыновья Эльдегиза начали править Азербайджаном. Волнения на юго-западе страны были ликвидированы после разгрома правителя Мараги Гара Сунгяра.

Когда Гызыл Арслан, обосновавшись в Тебризе, начал заниматься государственными делами, местные правители слали ему много несурзных писем о положении в управляемых ими областях. Желая удержаться на своих постах, они скрывали истинные причины недовольства подданных.

Поэтому Низами, получив от Гызыл Арслана письмо, посвящённое вопросам поэзии и литературы, в ответном письме рассказал о положении в стране и кратко изложил причины народного недовольства. Низами писал, что бунты в сёлах и городах происходят по причине негодного государственного устройства, что страна нуждается в коренных реформах, а правители, потерявшие доверие народа, должны быть низложены.

В письме были затронуты и другие важные вопросы. Так, Низами сообщал, что национальная культура Азербайджана находится в опасности со стороны сект и религиозных фанатиков, а творцы, создающие культурные ценности, преследуются и изгоняются местными правителями.

Ответа на письмо не последовало.

Приятель и знакомый Низами порицали его, если не в лицо, так за глаза, говорили: «Не следовало затрагивать государственное устройство. Давать правителям советы – большая неосторожность». Когда Низами писал Гызыл Арслану, многие выражали свою солидарность с ним. Теперь же все спрятались в кусты.

Солидарным с Низами оставался лишь Фахраддин.

– Отправив письмо, мы не совершили ошибки, – успокаивал он друга всякий раз, когда разговор заходил о городских сплетнях. – Если Гызыл Арслан любит страну, он должен понять нас. Мы не требуем в письме ничего, кроме счастья страны, мы желаем новому правительству успехов. Если правитель прогневаётся на это – пусть! Мы же не можем скрывать положение страны и народа. Я полностью одобряю твоё письмо. Ты меня знаешь, Ильяс. Фахраддин никогда не оставит тебя одного!

Друзья часто беседовали на эту тему.

Однажды Фахраддин заглянул к Ильясу, чтобы справиться о здоровье Мехсети ханум, и нашёл

друга в приподнятом настроении. Казалось, и Мехсети-ханум чувствует себя лучше. Рена и Низами вывели старую поэтессу во двор на свежий воздух, и она стала читать Рене свои новые рубаи.

Низами обрадовался приходу друга.

– Если бы ты не пришёл, я послал бы за тобой!

Фахраддин почувствовал: произошло какое-то радостное событие. Подойдя к Мехсети ханум, он поцеловал её руку, справился у Рены о самочувствии и обернулся к Ильясу.

– Твои глаза говорят о большой радости.

Обложка одной из книг писателя

Низами достал из-за пазухи толстое, похожее на тетрадь, письмо.

– На, читай!.. – сказал он. – Пусть недалёкие умы и трусы успокоятся. Никто не пострадает из-за письма, написанного Низами.

Взяв Мехсети ханум под руки, друзья вошли в дом. Фахраддин дрожащими руками развернул письмо и начал читать вслух:

«Уважаемый поэт!

Получив Ваше письмо, я приложил его к глазам и губам. Я обрадовался так, как, если бы увидел поэта лично и посидел с ним за приятной беседой.

Моё письмо пришло к вам с запозданием. Не считайте причиной тому мою небрежность.

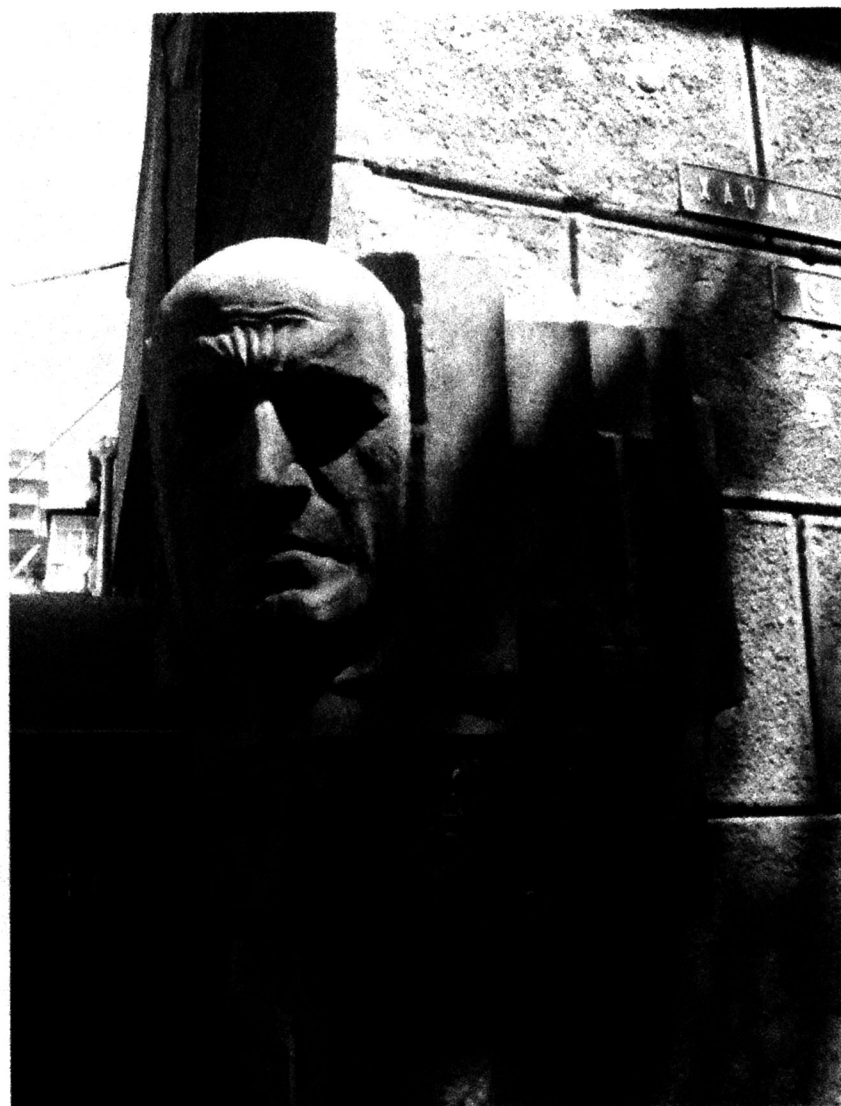
Ваше письмо, в котором Вы писали о положении в стране и настроении азербайджанского народа, имеет большое значение с точки зрения проблемы государственного устройства.

Клянусь Вашей головой, письмо Ваше потрясло меня. Кажется, мы вместе с Вами обсуждали эти вопросы, и пришли к единому мнению, – так совпадают наши взгляды. Поэт должен понять, что на столь умное, столь блестяще написанное письмо нельзя было отвечать поспешно.

Я внимательно прочёл строчки письма, в которых изложены Ваши мысли по поводу государственного устройства. Сельджукские правители по сути дела не оставили какого-то стройного государственного строя. Отсюда понятно, почему сельджуки не считались с культурным и социально-общественным уровнем народов. Азербайджанцы не могли поставить перед сельджукскими правителями вопрос о своей национальной судьбе. Если бы даже сельджуки пожелали предоставить народу Азербайджана такое право, всё равно у них ничего не получилось бы, ибо, когда основатель династии сельджуков в Азербайджане Тогрул бек назначил своего брата Ибрагима Яналы правителем Азербайджана, он не дал ему никаких указаний относительно государственного устройства. В то время нельзя было поднимать вопрос об устранении в Азербайджане влияния персов и арабов, поскольку когда халиф Каим биэмриллах утвердил Тогрул бека (430 г. хиджры), он приставил к нему помощником, вернее, своим доносчиком, араба по имени Хибетуллах. Поэтому ни в Азербайджане, ни в Хорезме, ни в Ираке, ни в Персии немислимо было ставить вопрос о национальном языке, культуре, тем более о национальной независимости.

Хитрая политика Тогрул бека по отношению к Каим биэмриллаху способствовала росту и укреплению влияния халифа во всех странах султаната. Он отдал халифу в жёны дочь своего брата Давуда Арслан ханум, и сам женился на его дочери Сейиде. Политическая обстановка в Азербайджане и других странах султаната сложилась не в пользу национальных интересов народов этих стран.

В своём письме Вы пишете о реформах в Азербайджане, проведённых после Тогрул бека

Барельеф на стене дома в Баку, в котором жил М.С.Ордубади

Алп Арсланом. Откровенно признаюсь, я с интересом познакомился с историей проведения этих реформ. Но, по-моему, каждая реформа, каждое прогрессивное нововведение должны опираться на государственный строй. Если же строй сам по себе препятствует культурному развитию нации, если он не благоприятствует реформам, то последние никогда не дадут положительных результатов.

После Тогрул бека правил Алп Арслан. Это талантливый полководец, создавший обширную империю. Но и при нём не было создано крепкого государственного строя (455 г. хиджры). Он владел громадным султанатом, который был поделён между членами его семьи. Местные правители не подчинялись центральной власти, и это не позволяло претворить в жизнь задуманные Алп Арсланом реформы.

Однако я мыслю по-иному. Если нам не удастся создать единую систему правления, то есть определённый государственный строй в масштабах всего султаната, то мы должны подумать о введении отдельных методов правления для каждой провинции, учитывая их социальные и политические особенности. В этом отношении я могу дать поэту твёрдые гарантии. Если даже султан

Тогрул не даст своего согласия, я, являясь атабеком Азербайджана, сам подумаю о создании в Азербайджане собственной системы правления. Пока народ Азербайджана не признает нас своим кровным правительством, он не будет нас защищать.

В письме Вы указываете на вражду религиозных сект в Азербайджане. Вопрос этот удручает и меня. Фанатизм и религиозная вражда сулят нам большие трудности. Мои слова подтверждаются последними событиями в Исфахане, где началась резня между суннитами и шиитами. Я не мог воспользоваться богословской наукой для предотвращения этой бойни, так как боялся, что резня перекинется в другие страны, поэтому был вынужден подавить распрю между суннитами и шиитами.

Однако, получив Ваше письмо, я тут же написал халифу багдадскому Мустаршид биллаху письмо с просьбой выслать документы, имеющие отношение к восстанию Бабека. Согласитесь, я не мог поделиться с Вами своими мыслями о ликвидации сект, не получив этих документов и не ознакомившись с ними. Документы прислали, и вот уже несколько дней я читаю их, знакомлюсь с сутью восстания Бабека, путями его развития и причи-

нами поражения. Прочитанные документы помогли мне кое в чём разобраться.

Летописцы халифа Мамуна, а также летописцы следующего халифа Мутасима при описании восстания Бабека и характера его развития поддались религиозным чувствам и потому исказили действительность. Однако, читая историю позднейших восстаний, происшедших в Азербайджане, я нахожу в каждом из них элементы, присущие восстанию Бабека. Как бы документы из книгохранилищ халифа ни исказили действительность, они не могут полностью скрыть подлинный характер восстания Бабека. Летопись доносит до нас основные идеи Бабека. Стремясь к единству народов, он не мог избрать иной путь, чем путь борьбы с религией, сектами и фанатизмом.

Среди летописей, присланных из Багдада, есть очень ценные исторические документы. В первую очередь это записки халифа Мамуна. Большая часть их посвящена восстанию Бабека и проливают свет на причины ошибок восставших. Кроме того, указывая на коварство халифов-аббасидов, Мамун пишет, что они хотели привязать к себе народы не наукой и цивилизацией, а ослепить и подчинить себе с помощью религии, сект и фанатизма. Мамун утверждает, что одним из самых боль-

Два тома популярного романа писателя

ших зол халифов было их стремление объединить народы не прочным государственным строем, а с помощью религии.

Мамун говорит: «Халифы пытались распространить на весь исламский мир религиозные догмы, приспособленные к исламу арабскими и иудейскими мудрецами. Именно поэтому у мусульманских народов религиозные чувства возобладали над политическим и культурным мышлением».

Затем, объясняя причины восстания Бабека, Мамун пишет: «Как некогда в Греции, в исламских государствах была использована специальная политика – вместо народной, национальной культуры насадить культуру религиозную. Насаждая в восточных странах сектанство и фанатизм, халифы свергли эти страны в глубокую пропасть мистицизма – плод греко-александрйской школы».

Далее, критикуя государственный строй халифов-аббасидов, этот умный, прозорливый халиф пишет: «Халифы, позаимствовав у греков концепции для исламской философии, распространили её на весь арабский мир, а также постарались навязать её народам Персии и Азербайджана. Они не считались с характером и духом этих народов и не хотели знать, воспримут ли их желудки столь тошнотворную пищу».

Бабек и окружавшие его просвещённые люди не могли хладнокровно смотреть, как секты и религиозные течения, порождённые исламом, препятствуют свободе мысли в Азербайджане. Несомненно, они задолго до нас поняли, что сектантские распри враждебны общенациональной культуре. Халиф Мамун пишет в своих записках о положении Северного и Южного Азербайджана: «В частности, государство Азербайджан стало ареной деятельности сект «гадарийя», «джабрийя» и «мотазиле». Поэтому, узнав о восстании Бабека, я в душе обрадовался. Однако по мере того как восстание разрасталось, я начал задумываться над большими ошибками, допущенными бабекитами. Бабек и его сторонники повели борьбу не только против сект и фанатизма, но и против самой религии, тогда как можно было уничтожить секты, натравливая их друг на друга. Восстание следовало построить на религиозной и богословской основе. Однако Бабек решил опираться в восстании на силу меча и войска. Сторонники Бабека не приняли во внимание того, что каждое сектантское учение, каждое течение в религии обладают своей философией, пустившей корни в сознании народа. Я очень

сожалел об этих ошибках бабекитов, ибо думал, что после того, как секты и религиозные течения будут ликвидированы, религия останется как основа государственного строя, и халифы смогут постепенно устранять её вредные для развития культуры стороны. Я считаю, Бабек начал добиваться победы с помощью оружия потому, что в то время вокруг него не было мудрых учёных людей, способных претворить в жизнь основную цель восстания – разгромить научно-философские секты и религиозные течения. Несомненно, в такой борьбе нельзя было рассчитывать на победу только с помощью ратного оружия.

Уважаемый поэт, учитывая весь этот горький исторический опыт, мы должны очень осторожно подходить к проблеме реформ. Вот что пишет Мамун об ошибках Бабека:

«Одна из причин поражения восстания Бабека заключается в том, что оно вышло за рамки восстания, направленного против религии, и приобрело характер политического выступления. Если не сейчас, то в будущем его, так или иначе, ожидает поражение. Бабек думал, что халифы стремятся сохранить религию и секты в том виде, как они есть, а потому считают, коль скоро ты поднял оружие на религию, значит, ты поднял его и на власть халифов. Вначале я приветствовал это восстание, но теперь решил бороться против него».

Уважаемый поэт, именно поэтому я хочу очень осторожно подойти к проблеме реформ, о которых Вы говорите в своём письме. Я хотел написать Вам ответ, обстоятельно изучив в историческом плане поднятые Вами вопросы. Я счёл необходимым познакомиться с историей восстания Бабека. Я верю в то, что халиф Мамун был мудрым реформатором своего времени. Взяв вторично власть в халифате в свои руки, он ещё раз изучил вопрос о религии, сектах и религиозных течениях, чтобы провести реформы. Вам самому известно, Мамун поднял вопрос о том, что Коран не является обязательным законом для всех исламских народов. Однако эта прекрасная идея Мамуна послужила причиной образования в исламских странах двух антагонистических движений. Одно, в рядах которого состояли религиозные фанатики и сектанты, было направлено против самого Мамуна; второе было возглавлено просвещёнными людьми Азербайджана, которые, впад в глубокую крайность, начали бунтовать против религии и властей. Оба эти движения задушили реформистские идеи

Мамуна, и проблема реформ так и не была решена.

Сейчас, решая проблему Азербайджана, надо руководствоваться этим историческим опытом. Я напишу Бабеку Мухаммеду о Ваших предложениях относительно реформ. Думаю, что и его величество султан Югрук не будет им противиться.

В своём письме Вы, возмущаясь правителем Гянджи эмиром Инанчем, пишете: «Мы втроём, я, моя жена и наша знаменитая поэтесса Мехсети-ханум неплохо живём, имея в хозяйстве всего одну корову, а эмир Инанч превратил весь Аран в дойную корову, и ему все мало, он никак не может насытиться».

Уважаемый поэт, если бы эмиры инанчи довольствовались молоком одной коровы, тогда и они могли бы стать такими, как Низами, и их не называли бы эмирами инанчами.

С письмом я получил некоторые Ваши стихи. Более всего моё внимание привлекло стихотворение о Султানে Санджаре и старухе. Оно вполне соответствует содержанию Вашего письма. Действительно, как говорит старуха, сельджуки ввергли Азербайджан в нищету. Сейчас, чтобы превратить Азербайджан в процветающую страну, нужна деятельная помощь таких, как Вы, умных и просвещённых людей.

Уважаемый поэт, Вы должны разъяснять народу, что сейчас нельзя восставать против правительства и полностью отвергать существующий государственный строй – это может нанести большой вред, ибо в соседних государствах против Азербайджана замышляется недоброе.

Жду от Вас письма. Возможно, мне повезёт удостоиться чести увидеть Вас лично и поцеловать Вашу руку. А пока шлю Вам большой привет издалека.

Тебриз, Гызыл Арслан».

Кончив читать, Фахраддин радостно воскликнул:

– Письмо написано довольно убедительно!

Низами спрятал письмо в сумку, где хранились его бумаги,

– Оно не очень искренне, – сказал он.

Фахраддин удивился:

– Почему же? В чём его неискренность?

– Оно способно ввести в заблуждение лишь недалёковидных, плохо разбирающихся в политике людей. Касаясь восстания Бабека, Гызыл Арслан пишет: «Читая историю позднейших восстаний, происшедших в Азербайджане, я нахожу в каждом из них элементы, присущие восстанию

Бабека». Или Гызыл Арслан не понимает сути восстания Бабека, или же он незнаком с характером восстаний, имевших место после выступления Бабека. Отрывки, взятые из записок Мамуна, которые Гызыл Арслан советует нам использовать для лучшего понимания событий, или сильно искажены, или же отражают мысли других людей, которые преследуют свои собственные цели. Восстание Бабека было поднято против исламской веры. И, конечно, коль скоро душой халифата является ислам, халифы должны были защищать его. Гызыл Арслан воспользовался ещё одной неверной мыслью, заимствованной им у Мамуна; эту мысль он собирается навязать и нам. Гызыл Арслан считает, что восстание Бабека должно было быть направлено не против исламской религии, а против сектантства. Это смешное заблуждение. Если бы Бабек стал бороться против сектантства богословов и философов, борьба между сектами разгорелась бы с ещё большей силой. Самый правильный путь – это когда восстание направлено против основ религии, ибо нет на свете секты, которая не опиралась бы на религию. Крах религии означает и крах всех сект. В своём письме Гызыл Арслан подчёркивает, будто восстание Бабека было обречено, так как переросло в восстание против правительства. Тем самым он хочет запугать нас. Но есть в письме строчки, с которыми я полностью согласен. Гызыл Арслан верно пишет: «Пока народ Азербайджана не признает нас своим кровным правительством, он не будет нас защищать». Если атабеки – люди умные и искушённые в политике, они постараются сделать всё, чтобы наш народ признал их кровным правительством Азербайджана. Восстановление единого азербайджанского государства в его естественных границах полностью зависит от воли атабеков. Мне кажется, они могут разрешить и проблему Ширванского царства. Гызыл Арслан поднял важный вопрос о национальной культуре народов. Нельзя проводить реформы в маленьких государствах, в которых нет определённого крепкого строя и которые не объединены вокруг единого центра. Мысли Гызыл Арслана относительно государственного строя при сельджуках абсолютно верны. Как бы там ни было, в ответном письме я укажу ему на некоторые его ошибки. Мне кажется, он не обидится на это.

Фахраддин улыбнулся.

– Я полностью с тобой согласен!

Перевод Игоря Печенева